

Начали мериться родословной

На облачном острове собрались великие мастера, атмосфера была торжественной и строгой.

Появление У Линчаня было подобно огню, ворвавшемуся в ледяную стужу. Даже клубы облаков вокруг него, казалось, поредели.

Не успел он подойти, как его острый язык уже прошёлся по всем присутствующим.

Гу Фэньюнь покрылся холодным потом.

Но тут же он вспомнил: руны на нефритовой подвеске У Линчаня исчезли. Если это была односторонняя связь, то жители Пустоши Куньфу не должны были понимать его слов.

Мэн Пин не имел права голоса в этой ситуации. Он лишь крепче сжал предмет-подавитель и холодно взглянул на У Линчаня.

— Ого, как мы на меня смотрим! — с удивлением воскликнул У Линчань. — Чем же я так прогневил юного главу ордена Мэна? В тайном царстве выстрелить в меня из Лука Тайпин было недостаточно? Теперь, в присутствии главы ордена, вы собираетесь меня убить?

Мэн Пин замер.

— Глава ордена, спасите! — закончив свою тираду, У Линчань с надеждой посмотрел на главу ордена Ту.

Тот не удостоил его даже взглядом, лишь бросил короткий взгляд на Гу Фэньюня.

Гу Фэньюнь промолчал.

«Опять я?»

— У Линчань, прекрати нести чушь! — не выдержал Истинный Мэн. — Зачем ты устроил этот балаган на Великом собрании?

— Главный распорядитель Великого собрания некомпетентен, он сломал мою пропускную подвеску, — У Линчань, ничуть не смутившись, бросил на пол нефрит. — Если я не скажу об этом сейчас, то когда? После окончания собрания?

— Хорошо, хорошо, это вина распорядителя, — сдался Гу Фэньюнь и, достав из-за пазухи свою подвеску, протянул её У Линчаню. — Пока воспользуйся этой.

Только тогда У Линчань с довольным видом принял её.

— Вот господин Гу — человек дела. Неудивительно, что все дела Союза Бессмертных на вас... Ой, что вы мне опять машете? Что это значит?

«Если я стану владыкой демонов или главой ордена, мне тоже нужен будет такой толковый заместитель».

Гу Фэньюнь промолчал.

— Машу, чтобы ты шёл уже на Великое собрание, — сказал Гу Фэньюнь.

— А, — У Линчань, не отличавшийся сообразительностью, взглянул вниз. — Они ещё не начали, рано. Раз уж все главы здесь, я как раз хотел подать жалобу на юного главу ордена Мэна и юного господина Ту.

У Гу Фэньюня потемнело в глазах.

«Что с этим ребёнком не так? Откуда такая смелость?»

С юным главой ордена Мэном ещё ладно, но юный господин Ту — родной сын главы ордена. Неужели он думает, что тот станет его слушать?!

Мэн Пин холодно усмехнулся.

«Глупец, который только и умеет, что сходить с ума, не разбирая ни места, ни времени».

Чэнь Шэ всё это время сидел молча, его глаза были скрыты под чёрной шёлковой повязкой, и выражение его лица было неразличимо, но казалось, что он улыбается.

...Должно быть, смеётся над тем, как в Союзе Бессмертных не соблюдают правила, и младшие смеют перечить старшим.

Если Владыка Чэнь разгневется и откажется чинить пространственный разлом, глава ордена Ту наверняка не простит У Линчаню этого срыва.

Как и ожидалось, глава ордена Ту, не выдержав, поднял руку.

— Глава ордена собирается меня выгнать? — приподнял бровь У Линчань. — Тогда я не могу гарантировать, чего наговорю перед всеми избранниками небес Трёх миров.

— Ты мне угрожаешь? — бесстрастно спросил глава ордена.

— Что вы, не смею, — У Линчань стоял в одиночестве, но держался с достоинством. — Три месяца назад, в тайном царстве Линфэн, когда учеников пика Сяолёу окружили демонические звери, я с Сюаньсяном Тайшоу остался прикрывать их отход, дав им шанс на спасение. Но в ответ получил стрелу из Лука Тайпин. Шрам на плече до сих пор остался.

С этими словами он снова попытался распахнуть одежду на плече, но Гу Фэньюнь поспешно остановил его.

— ...С трудом выжив, я вернулся, и что же я слышу? Весь Союз Бессмертных трубит, что в меня вселился демонический зверь, я сошёл с ума и только и умею, что выть, — У Линчань повернулся к Мэн Пину и ровным тоном спросил: — Ав-ав! Интересно, как юный глава ордена это объяснит?

— У тебя нет доказательств... — холодно усмехнулся Мэн Пин.

У Линчань, не слушая его бред, снова повернулся к остальным и громко продолжил:

— А что до юного господина Ту Юя, так то, что он подделал жетон главы ордена, уже известно всему Морю богов и бессмертных. Заместитель главы ордена обещал, что он будет в уединении три месяца, а прошло меньше двух дней, и его уже выпустили.

— Это... — начал было Гу Фэньюнь.

— Я требую справедливости, — закончил У Линчань.

Лица главы ордена Ту и Истинного Мэна были мрачнее тучи.

Все присутствующие были старыми лисами. Даже если они враждовали, на людях они всегда сохраняли видимость приличия. Такого, как У Линчань, который в одиночку осмелился бросить вызов всем великим мастерам, они ещё не видели.

У Гу Фэньюня разболелась голова. Он не понимал, откуда у У Линчаня такая уверенность.

— И чего же ты хочешь?

— Юный господин Ту должен отправиться в уединение на три года и публично передо мной

извиниться, — У Линчань вздёрнул подбородок. — А что до юного главы ордена Мэна... я человек не жадный, справедливый. Он получит от меня один удар мечом, и на этом мы разойдёмся.

При этих словах атмосфера в зале стала напряжённой, воцарилась гробовая тишина.

Юный господин Моря богов и бессмертных был особой знатной. Пик Сяолёу хоть и не был первой школой, но тоже пользовался уважением.

А У Линчань одной фразой потребовал, чтобы оба юных главы подчинились его воле.

Даже Гу Фэньюнь не смел произнести ни слова.

— У Линчань, я десять лет растил и учил тебя, и вот так ты платишь мне за доброту? — с ледяным выражением на лице спросил Истинный Мэн.

— Наставник, почему бы вам сначала не спросить Мэн Пина, за что он хотел меня убить? — приподнял бровь У Линчань, который никогда не утруждал себя оправданиями. — Почему вы сразу обвиняете меня?

— Ты...

— Линчань, у меня нет к тебе вражды, — наконец с фальшивой улыбкой заговорил Мэн Пин. — Я с детства относился к тебе, как к родному брату. Как я мог намеренно ранить тебя такой драгоценной стрелой из Лука Тайпин? Тогда был хаос, повсюду демонические звери, это была просто случайность.

— Тогда позволь и мне случайно ударить тебя мечом, — кивнул У Линчань.

Мэн Пин промолчал.

— У Линчань, уходи, — видя, что тот всё больше распоясывается, мрачно сказал глава ордена Ту.

— Ещё чего, — ответил У Линчань. — Что, только потому, что они оба — юные господа, и за ними стоят папочки, я даже не могу добиться справедливости? Это не Союз Бессмертных, а какой-то Папенькин альянс.

Лицо главы ордена Ту потемнело. Он уже хотел было крикнуть «Дерзость!», как вдруг Чэнь Шэ, всё это время молча наблюдавший, с улыбкой заговорил.

— Кунькунь.

— А? — отозвался У Линчань.

— Глава ордена не говорил, что не будет справедливости. Не будь невежлив, — мягко сказал Чэнь Шэ.

— Я и не невежлив, — У Линчань вздёрнул бровь. — Я не бросился на них с мечом, это уже верх вежливости. Они должны быть благодарны за моё хорошее воспитание.

Они вдруг начали непринуждённо переговариваться, так естественно, словно были знакомы целую вечность.

Все присутствующие замерли.

«Чэнь Шэ... обращается к У Линчаню?»

«Кунькунь?»

«Что это? Похоже на прозвище».

Глава ордена Ту почему-то почувствовал недоброе.

У Линчань в одиночку спорил со всеми, его тараторство заставило всех позеленеть. Чэнь Шэ наконец понял, что язык Куньфу сдерживал девять десятых его способностей.

— Иди сюда, — с улыбкой поманил он.

— Хорошо, — отозвался У Линчань и, послушно подойдя, продолжал бросать гневные взгляды на главу ордена Ту и Истинного Мэна, словно пытаясь заставить этих членов «Папенькиного альянса» вернуть ему справедливость.

Сюнь Е, всё это время молча стоявший за спиной У Линчаня, тоже шагнул вперёд и наконец вернулся к Чэнь Шэ.

У Линчань подошёл к Чэнь Шэ.

Сиденье в павильоне было широким, и других мест не было. Он был худым и не занимал много места, поэтому просто сел на краешек рядом с Чэнь Шэ.

За последние несколько месяцев У Линчань привык, встречаясь с Чэнь Шэ, тут же, как котёнок, прижиматься к нему, чтобы укрепить своё золотое ядро. Вот и сейчас он, сев, потёрся головой о плечо Чэнь Шэ.

Тот, опустив голову, нежно поправил подвеску у него на лбу.

У Линчань от разговоров пересохло во рту. Он взял чашку, которую Чэнь Шэ всё это время держал в руках, не пригубив, и сделал несколько глотков. Его глаза засияли.

— Какой вкусный чай.

На красивом лице Чэнь Шэ снова появилось то же выражение, что и тогда, когда У Линчань подарил ему сорняк.

«Вкусный?»

Вокруг воцарилась мёртвая тишина.

Их поведение было слишком близким, и это, словно удар молнии, поразило всех присутствующих. Они не могли прийти в себя, их взгляды метались от У Линчаня к Чэнь Шэ и обратно.

Мастера уровня постижения пустоты обычно были горды и надменны. Даже когда они сдерживали свою ауру, вокруг них всегда ощущался невидимый барьер, не подпускавший никого близко.

— Не говоря уже о таком тесном контакте.

А Чэнь Шэ, которого У Линчань почти столкнул на край сиденья, оставался спокоен; когда у него отобрали чай, он даже согнул палец и наполнил чашку до половины.

Было очевидно, что они очень близки.

Лица всех присутствующих, особенно Мэн Пина, были мрачнее тучи.

Он с недоверием смотрел на У Линчаня, а затем, наконец, разглядел Чэнь Шэ, и его сердце пропустило удар.

Даже от одного взгляда на него Мэн Пина охватил ледяной озноб — словно он где-то уже видел этого человека.

Гу Фэньюнь, который уже давно что-то подозревал, первым пришёл в себя и осторожно спросил:

— Владыка Чэнь, вы и Линчань...

— Я же говорил, — со вздохом сказал Чэнь Шэ, — стоит отвернуться, как он тут же вляпается в неприятности. Прощу прощения у всех. — Кунькунь, ты признаёшь свою вину?

— Какую ещё вину, я не виноват, — У Линчань закинул ногу на ногу и, потягивая чай, не поднимая головы, ответил: — Это они должны передо мной извиняться.

Гу Фэньюнь промолчал.

«Что он там говорил?»

«Если бы мой младший брат был так же одарён...»

«Стоит отвернуться, как тут же вляпается в неприятности».

У Гу Фэньюня потемнело в глазах.

Не только у него, но и у Истинного Мэна и главы ордена Ту лица застыли. В их головах пронеслась одна и та же мысль.

«У Линчань — младший брат Чэнь Шэ?!»

Мэн Пин вскочил с недоверием. Чашка опрокинулась, и чай закапал на пол.

Его лицо было белым как бумага, а руки, скрытые в рукавах, сильно дрожали. Внезапно он вспомнил, где видел Чэнь Шэ.

Старейшина Мэн перед смертью передал ему сообщение в нефритовой табличке. На последнем изображении был мужчина в синем халате с фиолетовыми глазами...

Это был Чэнь Шэ.

Только теперь все заметили, что чёрная шёлковая повязка на глазах Чэнь Шэ была нарисована тушью Сюаньсяна Тайшоу.

— В тот год, когда в Ванлэин случился звериный прилив, Кунькунь попал в Союз Бессмертных,

в пик Сяолёу. К счастью, Истинный Мэн вырастил и обучил его. Такую доброту вся Пустошь Куньфу никогда не забудет, — сказал Чэнь Шэ, словно не замечая мрачных лиц присутствующих.

С лица Истинного Мэна сошли все краски.

Если бы пик Сяолёу и вправду был так добр к У Линчаню, они бы не стали стрелять в него из Лука Тайпин.

Чэнь Шэ этими словами бросал вызов всему пику Сяолёу.

— Владыка Чэнь преувеличивает, — с трудом выдавил из себя улыбку Истинный Мэн. — Талант Линчаня в развитии намного превосходит других, пик Сяолёу не смеет приписывать себе эту заслугу.

— Зачем же так скромничать, — Чэнь Шэ продолжал улыбаться, но от его улыбки становилось жутко. — Пока Кунькунь был в Куньфу, пик Сяолёу посылал людей на его поиски. Такая забота о Кунькуне — разве это не заслуга?

Лицо Истинного Мэна стало ещё мрачнее.

«Неудивительно, что посланные на поиски У Линчаня люди до сих пор не вернулись».

— А-сюн, — У Линчань недовольно поставил чашку и упрекнул Чэнь Шэ, — что сегодня с тобой? Почему ты всё время заступаешься за чужих?

Он тут же хотел распахнуть одежду, чтобы показать А-сюну ещё не заживший шрам на плече.

Гу Фэньюнь осторожно наблюдал за выражением лица Чэнь Шэ.

«Владыка Куньфу, юный господин, вернувшийся всего три месяца назад... Даже если они в хороших отношениях, он не должен терпеть такое неуважение».

Но Чэнь Шэ ничуть не рассердился. Он схватил У Линчаня за руку, которой тот пытался сорвать с себя одежду, и посмотрел на бледного Мэн Пина.

— Раз уж пик Сяолёу так ценит Кунькуня, то позвольте спросить юного главу ордена Мэна, почему он так жестоко обошёлся с моим младшим братом?

Гу Фэньюнь промолчал.

«Я ошибся в расчётах. Чэнь Шэ и вправду очень любит этого младшего брата».

Гу Фэньюнь замолчал.

Мэн Пин стиснул зубы, его глаза налились кровью.

Талант и развитие У Линчэня всегда вызывали у него зависть, но было одно, что все эти годы давало Мэн Пину огромное чувство превосходства — происхождение.

Как говорил его отец, сирота без отца и матери, каким бы талантливым он ни был, всегда будет стоять ниже других.

Но теперь его единственная гордость — происхождение — в сравнении с Пустошью Куньфу стала ничтожной.

Даже если он не хотел, Мэн Пину пришлось склонить голову.

— В тайном царстве был хаос, Лук Тайпин случайно... — прохрипел он.

Бум!

Мощный удар духовной энергии обрушился на Мэн Пина, и он, словно под весом огромной горы, с грохотом рухнул на колени.

— Чэнь Шэ! — вскочил Истинный Мэн.

Чэнь Шэ, даже применив силу, оставался мягким и добродушным. Он, не глядя на Истинного Мэна, с улыбкой обратился к Мэн Пину:

— Почему ты ранил моего брата?

Изо рта и носа Мэн Пина хлынула кровь. Разум говорил ему не признаваться, но голова кружилась, и он, стиснув зубы, прохрипел:

— Это была случайность...

— Владыка Чэнь, успокойтесь, — поспешил вмешаться Гу Фэньюнь. — Я тоже слышал о том, что случилось в тайном царстве Линфэн. Тогда появился пространственный разлом из Ванлэин, демонические звери хлынули оттуда, в таком хаосе случайность вполне возможна...

У Линчань надул губы и потёр плечо.

Аура Чэнь Шэ стала ещё более грозной, и сокрушительная мощь уровня постижения пустоты обрушилась на Мэн Пина. На этот раз даже развитие Истинного Мэна не смогло его защитить, и его отбросило в сторону.

Мэн Пин больше не мог стоять на коленях и с грохотом рухнул на пол, изо рта его хлынула кровь.

Чэнь Шэ медленно поднялся. Подол его тёмно-синего халата скользнул по облакам у его ног, и он неторопливо подошёл к Мэн Пину.

Он свысока «посмотрел» на этого слабого человека, которого, казалось, можно было раздавить одним пальцем, и ровным тоном спросил:

— Я спрашиваю в последний раз, почему ты это сделал?

Сознание Мэн Пина помутилось, из уголка его рта текла кровь. Он пытался подняться, но лишь беспомощно лежал на полу, лицом к земле, видя лишь роскошный подол халата.

Чэнь Шэ тихо произнёс два слова.

Руны Моря богов и бессмертных не смогли перевести их.

Мэн Пин пытался возразить, но изо рта его вырвалось:

— Я завидовал ему! Сирота без отца и матери, а его талант в развитии выше моего! Когда в Союзе Бессмертных говорят о пике Сяолёу, все знают только У Линчаня! Я ненавижу его! Я желал ему смерти!

В зале воцарилась тишина.

Лишь гневное дыхание Мэн Пина эхом отдавалось в зале.

Губы Истинного Мэна дрожали. Он с недоверием смотрел на Мэн Пина.

У Линчань, потягивая чай, тоже не ожидал, что ненависть Мэн Пина к нему была настолько глубока. Он был поражён этой истеричной ненавистью.

Он встал, подошёл к Мэн Пину и, присев рядом, с сочувствием сказал:

— Так ты меня так ненавидишь?

Мэн Пин, высказав всё, на мгновение испугался, но при виде лица У Линчаня ненависть снова захлестнула его.

— Да!

— Тогда я не только не умер, но и восстановил свою силу, да ещё и происхождением знатнее тебя, — со вздохом сказал У Линчань, — ты, наверное, меня до смерти ненавидишь?

Мэн Пин промолчал.

Уголки губ У Линчаня медленно поползли вверх, и по его лицу можно было прочесть злорадное «хе-хе-хе».

— Но ничего не поделаешь, Небожитель У — он такой, знатный. Как бы ты ни ненавидел, ничего со мной не сделаешь.

Мэн Пин промолчал.

Все промолчали.

Эмоции, передаваемые через узы ослабления сердца, были уже не такими сильными, как вначале, но всё же было ясно, что У Линчаню было наплевать на ненависть Мэн Пина. Он даже гордился тем, что ему завидуют.

Чэнь Шэ усмехнулся и убрал духовную энергию со своих пальцев.

Лицо Истинного Мэна было пепельным.

После таких слов, зная нравы Пустоши Куньфу, Мэн Пину вряд ли удастся уйти живым.

— Владыка Чэнь, — Истинный Мэн, взяв предмет-подавитель, протянул его Чэнь Шэ и тихо сказал: — Надеюсь, вы, ввиду этого предмета, сохраните жизнь моему сыну.

— О? — Чэнь Шэ повернулся к нему с интересом. — Так дёшево стоит жизнь юного господина Куньфу? Один предмет-подавитель, и всё забыто?

Рука Истинного Мэна дрогнула, и его сердце ушло в пятки.

«Он не собирается его отпускать».

— Предмет-подавитель? — У Линчань подошёл и, взяв в руки чёрный камень, спросил: — Какой он уродливый, зачем он нужен?

— Звериный прилив в Ванлэин беспокоен. Если разместить его по четырём сторонам, он сможет усмирить демонических зверей, — сдерживая гнев, ответил Истинный Мэн.

У Линчань приподнял бровь. Кажется, это была ценная вещь.

— Хорошо, — У Линчань небрежно взял камень. — Тогда я его забираю.

Истинный Мэн промолчал.

Все были поражены наглостью У Линчаня и посмотрели на реакцию Владыки Чэня.

Тот, ничуть не обеспокоенный самоуправством У Линчаня, уже вернулся на своё место и сел. Давление, сковывавшее Мэн Пина, тоже исчезло.

Истинный Мэн наконец с облегчением вздохнул.

— Владыка Чэнь, — бесстрастно заговорил глава ордена Ту, который всё это время молчал, — вражду между молодыми лучше оставить им самим.

— Если бы глава ордена не напомнил, я бы и забыл, — лениво сказал У Линчань. — Несколько дней назад я сам разобрался с юным главой ордена Ту. Но кто бы мог подумать, что уважаемый глава ордена нарушит своё слово и станет открыто покрывать своего сына. Я уж подумал, что тут начали мериться родословной и папочками, вот и пришлось позвать на помощь своего Асюна.

Глава ордена Ту промолчал.

— Кунькунь, — со вздохом сказал Чэнь Шэ, — глава ордена любит своего сына, это естественно. Иди, повеселись. Как только Великое собрание закончится, мы вернёмся в Куньфу.

— Хорошо!

Глава ордена Ту замер.

«Вернутся после окончания? А как же пространственный разлом...»

У Линчань допил остывший чай и уже собрался уходить.

— Как и сказал юный господин, — вдруг тихо произнёс глава ордена Ту, — я прикажу своему сыну отправиться на Облачную вершину на три года для уединения и публично извиниться перед юным господином.

Услышав это, У Линчань, взмахнув хвостом, вернулся.

Он обожал публичные извинения.

— Когда он будет извиняться? — радостно спросил юный господин У. — Не через три же года? Сегодня здесь собрались все избранники небес, почему бы не сейчас? Давайте позовём юного главу ордена Ту, а?

Глава ордена Ту промолчал.

Время начала Великого собрания уже прошло, но у входа в тайное царство было тихо.

Над огромным деревом ощущалось давление великих мастеров, внушающее трепет.

Ученики оживлённо перешёптывались.

— У Линчаня увели наверх, его что, убили?

— Как такое возможно? Это же Великое собрание, глава ордена Ту не станет так позориться.

— Так начнётся собрание или нет?! Уже столько ждём!

Пока они спорили, на облачном острове появились несколько фигур. Самым ярким из них был тот, кто в красном, звенящий украшениями, он спустился вниз.

Это был У Линчань.

Он ничуть не выглядел расстроенным из-за запрета на участие в Великом собрании. На его лице играла улыбка.

Нефритовая подвеска на его поясе звенела. Присмотревшись, все увидели, что это был жетон Гу Фэньюня.

Все были поражены.

«Разве не говорили, что У Линчань обидел юного главу ордена Ту? Почему его не наказали, а наоборот, дали такой ценный жетон?»

У Линчань, заложив руки за спину, подошёл к месту, где расположились ученики академии Сычжо из Пустоши Куньфу.

Те, обычно высокомерные, тут же окружили его, оживлённо переговариваясь.

Все присутствующие были в недоумении.

В этот момент появился Гу Фэньюнь с позеленевшим лицом, за ним следовал Ту Юй.

Юный господин выглядел подавленным, его лицо было бледным, и лишь яркий след от пощёчины бросался в глаза.

На глазах у всех Ту Юй с невиданным доселе унижением последовал за Гу Фэньюнем к месту, где расположились ученики из Пустоши Куньфу.

У Линчань, небрежно сидевший там, с интересом наблюдал за ним, подперев подбородок рукой.

Ученики академии Сычжо, чтобы поддержать своего юного господина, встали рядом с ним и свирепо уставились на Ту Юя, их демоническая аура была устрашающей.

Эта сцена вызвала недоумение у всех учеников.

У Линчань не казался одержимым демоном, он выглядел так, словно сам был демоном, идеально вписавшись в общество Пустоши Куньфу.

Ту Юй, с детства избалованный и привыкший к тому, что все преклоняются перед ним, впервые испытывал такое унижение.

Но жгучая боль от пощёчины и гнев отца заставили его смирить свою гордость и публично извиниться.

— Юный господин, — почтительно сказал Гу Фэньюнь, — юный господин Ту осознал свою ошибку, надеюсь, вы его простите.

У Линчань ещё не успел ничего сказать, как Чи Фухань громко зашептал Вэнь Цзюаньчжи:

— Цзюаньчжи, помнишь, ты однажды по ошибке накормил меня ядом вместо конфет? Твой отец точно так же приходил ко мне домой извиняться. Сколько тебе тогда было лет?

— Пять с половиной, — мягко ответил Вэнь Цзюаньчжи.

— Ого! — воскликнул Чи Фухань. — Климат в Союзе Бессмертных и вправду благодатный. Юному господину Ту всего пять лет, а он уже такой высокий и крепкий. Восхитительно!

— Да-да, — поддакнул Вэнь Цзюаньчжи.

Гу Фэньюнь промолчал.

«За такие гроши так мучиться, — с тоской подумал Гу Фэньюнь. — Умереть, что ли».

Ту Юй едва не скрипнул зубами. Он подошёл к У Линчаню и на глазах у всех изумлённых зрителей склонил голову и тихо произнёс:

— Юный господин У, я приношу вам свои извинения. Надеюсь, юный господин сможет меня простить.

— В чём ты провинился? — лениво спросил У Линчань.

В груди Ту Юя закипела ярость, он едва не захлебнулся кровью.

— То, что я разрушил статую Избранника небес и сломал твою нефритовую подвеску, было ребячеством, — с трудом выдавил он.

В этих нескольких словах было столько информации, что все вокруг переглянулись, словно увидели призрака.

«Юный господин, какой юный господин?»

«Ту Юй, сын главы ордена Союза Бессмертных, извиняется?!»

«Мир что, перевернулся?!»

У Линчань не скрывал своего торжества.

Зачем радоваться втихаря, когда можно насладиться моментом? Это было не в его характере.

— Хорошо, что признал свою ошибку, — с улыбкой сказал У Линчань. — Талантом ты меня не превзошёл, и папочкой помериться тоже не вышло. Я слышал, Облачная вершина, где ты будешь в уединении, — место суровое, ветер там сдирает кожу. Три года — достаточно времени, чтобы подумать. Я воспитываю тебя вместо твоего отца, он ещё спасибо мне скажет.

Ту Юй промолчал.

Все промолчали.

«Никогда не видели такого наглого человека».

На этом инцидент был исчерпан.

Гу Фэньюнь увёл Ту Юя, который до крови закусил губу, с места проведения Великого собрания. Видя его налитые кровью глаза, он со вздохом сказал:

— Твой отец вынужден просить о помощи. Это касается не только Моря богов и бессмертных, но и всего Союза Бессмертных. Не держи на него зла.

Ту Юй ничего не ответил.

Гу Фэньюнь со вздохом ушёл.

Ту Юй долго стоял в одиночестве, а затем достал нефритовую табличку. Его голос был хриплым, словно он говорил сквозь кровь, и в нём звучала бешеная, леденящая душу ненависть.

— Мэн Пин, чего бы это ни стоило, на этом Великом собрании я хочу, чтобы от У Линчаня не осталось и праха

<http://bllate.org/book/16997/1588082>